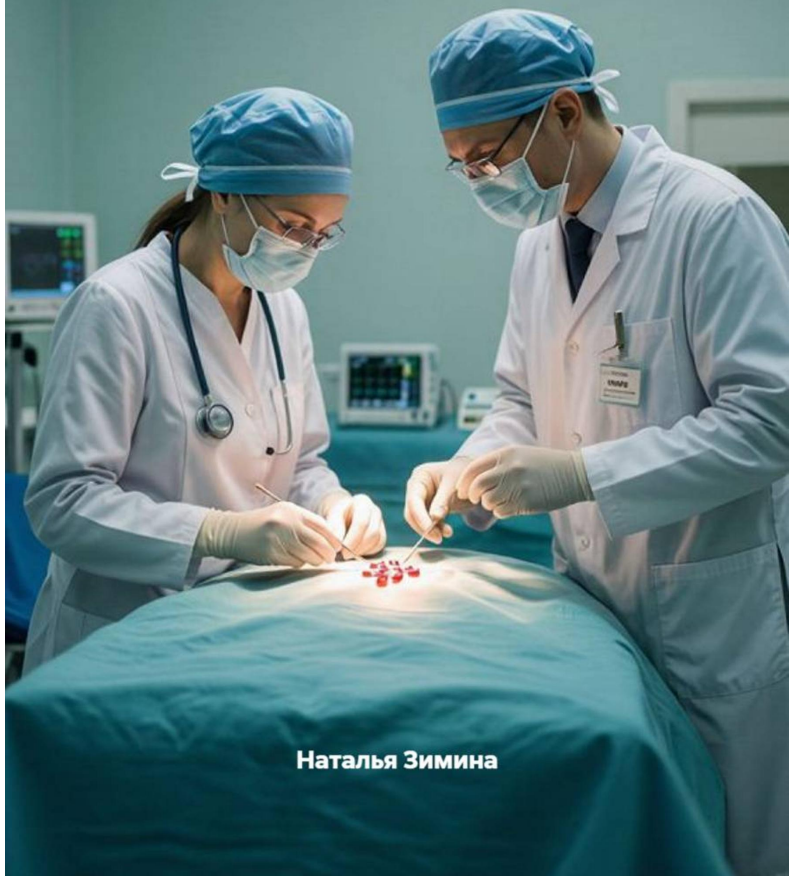

Калитка

Наталья Зими́на

Наталья Зими́на

Калитка

<https://litres.ru/74665863>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман о том, как врач возвращается к себе — и о дежурстве на двоих, которое дольше не считается.

Он — столичный кардиохирург, потерявший пациентку, жену и веру в себя. Она — врач приёмного отделения в городке, из которого мечтала уехать, — и женщина, которую все уговаривают выйти за «надёжного». Их ставят в совместные дежурства: сначала они спорят о протоколах, потом спасают людей — и однажды понимают, что спорить больше не о чём, кроме того, как быть, когда сердце решает за тебя.

Снежные ночи, маленькая больница, мальчик с пороком сердца, дочка с хомьяками и калитка, которую забыли закрыть. История для тех, кто любит врачей, провинцию и любовь, которая дольше — не считается.

Наталья Зими́на

Калитка

ГЛАВА 1. НОВЕНЬКИЙ

Вера въехала на пустую стоянку больницы в 23:47 и тринадцать минут сидела в машине, слушая, как остывает двигатель. Тридцать два года. Восемь из них — врач. Шесть — в Верхнем Ключе, куда она вернулась из-за маминой болезни и откуда так и не уехала после маминой смерти. Потому что городок держал её, как держит тонкий лёд: не отпускает, пока не тронешься.

Телефон завибрировал. Тимур.

— Вер, я маме сказал про субботу. Она уже пирожки затеяла. Ты только не волнуйся, они нормальные, — Тимур работал финансовым директором на молокозаводе и говорил всегда так, будто сообщал хорошее. — Люблю. Спи, если получится.

В субботу её вели знакомиться с родителями. Это называлось «поговорить о будущем». Вера сказала «хорошо» и сама не поняла, что именно — хорошо.

До больницы оставалось двадцать минут, и Вера, как почти каждый свой дежурный вечер, свернула к старому кладбищу — не специально, просто рука сама поворачивала руль. Мамина могила была третьей от берёзы. Вера не плакала над ней уже два года: она приходила не плакать, а докладывать —

как дочери докладывают живым матерям по телефону, только здесь не надо было притворяться, что всё хорошо.

— Свадьба, наверное, будет в июне, — сказала она Берёзе, потому что маме говорить это вслух было ещё нельзя. — Он хороший, мам. Ты бы его одобрила: надёжный, из порядочных, с машиной. Ты бы сказала: «наконец-то ты устроилась». Берёза молчала с пониманием. Мама умела так молчать при жизни — всё Верино детство она то исчезала на дежурства, то возвращалась с чужим запахом больницы и говорила: «потерпи, милая, вот подрастёшь — заживём». — Мам, а ты за стеной небо видела? — спросила Вера вдруг, сама не понимая, откуда взялся вопрос. Берёза промолчала и на это. Ответа не было, и Вера не стала придумывать его за всех: пусть повисит.

Вера сидела на корточках у плиты с выцарапанной фамилией и вдруг с ужасом поняла, что уже не помнит мамин голос — только запах хлорки и эту фразу про «заживём». Подросла. Зажила. Городок за спиной лежал тёмный, редкие окна горели, как карманные фонарики, и в каждом окне была чья-то жизнь, о которой Вера знала всё, — потому что шесть лет подряд чинила эти жизни на приёжном. О своей собственной она знала только то, что в ней «минус два утра, Тимур, июнь». Так и жила.

В приёмном отделении пахло хлоркой и борщом из ночника — Зинаида Петровна, старшая сестра, опять грела свой

ужин...

— Зин Петровна, у меня там кто? — Вера кивнула на двери.

— Баба Дарья с Сиверцовки, сердце шалит. Да солдатик один, руку порезал. Тихо сегодня. — Зинаида Петровна оглядела Веру с ног до головы и добавила: — А ещё, доктора, к тебе сегодня новенький выходит. Кардиохирург. Из Москвы.

— Из Москвы? — Вера сняла куртку. — К нам? Зачем?

— По программе какой-то. Аркадий Семёныч с утра рад был, как ребёнок. Говорит: теперь у нас своя кардиология будет, не надо в область возить.

Кардиохирург, который едет из Москвы в Верхний Ключ, — это либо святой, либо человек, от которого Москва уехала сама. Вера поставила на второе. По опыту, святые в райцентры не заказывались.

Он появился в 00:40. Высокий, тёмное пальто, чемодан на колёсиках — единственный чемодан на колёсиках, который Вера видела в этих стенах. Он посмотрел на неё так, как смотрят на мебель.

— Северцев Марат. Кардиохирург. Я к Аркадию Семёнычу, но он сказал, сначала — в приёмное, знакомиться с дежурным врачом.

— Ланина Вера. Дежурный врач. Кофе будете?

— Нет.

Он не сказал «спасибо», не сказал «приятно» — и Вера,

повидавшая за шесть лет всяких приезжих, успела за первый час придумать ему целую биографию: столичный, выгоревший, сбежал от жены или от суда, теперь будет учить их, провинциалов, медицине. Она ошиблась почти во всём, кроме последнего: учить он действительно будет — только не медицине, а тому, как выглядит человек, который в чём-то сильнее своей боли. Но это она узнает весной, а в ту ночь просто пожала плечами и пошла к бабе Даре — хоть там были «спасибо».

В 01:15 привезли мужчину сорока восьми лет с давлением и одышкой. Фельдшер Ленка выпалила: гипертоник, эналаприл, дома прихватило. Вера слушала лёгкие, смотрела кардиограмму и уже писала назначение, когда за спиной раздался голос:

— Какая у него нога?

— Что? — Вера обернулась. Северцев стоял над ней с чашкой кофе. Значит, «нет» относилось к её кофе, а не к кофе вообще.

— Нога. Левая. Осмотрите левую ногу. И скажите фельдшеру, чтобы позвонил на Сиверцовку — да, этой самой бабе Дарье, — и спросил, не падал ли он. Считайте Д-димер. Быстро.

Вдруг всё стало громким. Вера наклонилась: левая голень была чуть толще правой. На полсантиметра. На которые смотришь — и не видишь, пока тебе не скажут.

Д-димер был за облаками. УЗИ — тромб подколенной ве-

ны. У него была тромбоэмболия лёгочной артерии в пути, и Вера колола ему то, что даёт ему шанс доехать до утра. Дрожащими руками — но колола.

— Спасибо, — сказала она, когда всё устоялось. — Я бы не успела...

— Успели бы. Просто позже, — сказал Северцев и ушёл спать в ординаторскую. Утром на разборе он скажет это при всех. При всех, включая главврача.

ГЛАВА 2. РАЗБОР

Утренний разбор в Верхнем Ключе проходил в комнате с портретом Семашко и чайником. Аркадий Семёныч, главврач, любил новеньких, как мальчик любит новый велосипед: катает всех и показывает каждому.

— ...итак, поприветствуем. Марат Эдуардович Северцев, кардиохирург, стаж двенадцать лет, Москва, центр имени Бакулева... — Аркадий Семёныч делал паузы, чтобы все успели ахнуть. Народ не ахал. Народ ел бутерброды.

— ...в рамках федеральной программы «Кадры на селе» сроком на год. Планируем развивать кардиохирургию, ангиографию и...

— Аркадий Семёныч, — сказал Северцев, — у вас тромбозис делают?

Тишина была такая, что чайник щёлкнул.

— Делаем, — сказала Вера. — Я делаю. Вчера сделала. Он повернулся к ней. Впервые за всё время — целиком. — По протоколу?

— По протоколу. И по совести.

— Совесть — не протокол, — сказал Северцев. — Но вчера вы работали по обоим. Это редкость. — И сел.

Зинаида Петровна потом сказала Вере в коридоре: «Он тебя похвалил. По-своему. Как умеет». Вера решила, что «как умеет» — это про людей, которые хвалят так, будто ставят печать в паспорте: сухо и на всю жизнь.

После разбора Аркадий Семёныч поймал её за рукав.

— Верочка. Ты у меня умница. Я вот что придумал: дежурства теперь — парные. Ты и Марат Эдуардыч. У него — специализация, у тебя — местные. Научитесь друг у друга. А?

— А если мы не..., — Вера искала слово, — совместимы?

— Врачи, Верочка, совместимы всегда. Это ж не брак, — Аркадий Семёныч засмеялся и ушёл, довольный своей шуткой. Вера посмотрела ему вслед и подумала, что над словом «брак» он посмеялся зря. У неё с Тимуром получалось ровно это: не брак, но по всем признакам — совместимость.

ГЛАВА 3. ПЕРВОЕ ДЕЖУРСТВО НАДВОИХ

Первое общее дежурство выпало на четверг. К четырём часам привезли бабу Дарью — ту самую, с Сиверцовки. Сидела на кушетке, маленькая, прямая, как гвоздь, и хлопала по ноге ладонью: «Сердце, милоч, сердце».

Северцев произвёл на бабу Дарью неизгладимое впечатление. Она разрешила ему себя слушать, но Вере — лежать

в Верхнем Ключе.

— Я в больнице лежала в шестьдесят восьмом году. С тех пор политика не поменялась, а я не меняюсь вместе с ней.

— Дарья Степановна, — сказал Северцев, — у вас аритмия. Она вас не спросит, где вы согласны лежать.

— Ишь, грозный, — баба Дарья прищурилась. — А женатый? Небось неженатый. Все грозные — неженатые.

Вера уткнулась в карту, чтобы не заржать. Северцев покраснел. Стало видно, что ему тридцать семь, а не пятьдесят, как казалось в пальто.

— Разведён, — сухо сказал он.

— То-то, — сказала баба Дарья и легла в палату.

Ночь прошла тихо. В четыре утра они пили чай в ординаторской — по одному пакетику на каждого, потому что второй Северцев не признавал. За окном мело.

— Можно личный вопрос? — спросила Вера.

— Нет.

— Почему из Москвы? У вас же... — она повела рукой, — Бакулев, центры, стаж двенадцать лет.

Северцев долго смотрел в кружку.

— Умерла пациентка, — сказал он наконец. — Молодая. Операция шла нормально. Так бывает: всё нормально — и человек уходит. Потом были три месяца разбирательств, жена ушла ещё раньше — она ушла в первый месяц, я узнал в третий. А потом я увидел объявление про райцентр, в котором год не могут найти кардиохирурга, и понял, что хочу

туда, где я нужен, и где, если что-то пойдёт не так, я буду не «тем самым Северцевым», а просто доктором с улицы.

Он сказал это ровно, как диктантом, и Вера поняла: этот текст он произносил уже много раз — комиссии, психологу, себе.

— А вы почему остались? — спросил он. — С вашим уровнем — областная больница брала?

— Брала. Мама болела. Потом... — Вера повертела кружку. — Потом мама умерла, а я всё ещё здесь. Все говорят: уезжай. А я как та калитка, которую забыли закрыть: скриплю, но держу.

— Держите — что?

— Не знаю, — честно сказала Вера. — Может, это и есть ответ.

Северцев посмотрел на неё — не как на мебель. Как на равного врача, впервые.

— Дежурство на двоих, — сказал он, поднимая кружку. — За тех, кто держит.

За окном мело. Чай кончился в 05:30, в 05:40 привезли аппендицит, и до восьми было не до чая. Но Вера запомнила этот тост наизусть, как запоминают строчки, из которых потом строится жизнь.

ГЛАВА 4. СУББОТА

Родители Тимура жили в коттедже за молокозаводом, у леса.

Дом был красивый и чужой, как мебельный каталог. Мать

Тимура, Галина Викторовна, встретила Веру словами «нако-нец-то», от которых веяло инвентаризацией. Отец молча пожал руку — крепко, по-хозяйски.

За столом говорили про урожай, про ипотеку и про то, что «детишки — это главное». Галина Викторовна положила Вере ложку салата и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.